

Т.П. Буслакова

«Элегия» (1874)

Вынося в название жанровое определение, автор активизирует в сознании читателя произведения тех лет, когда «тема старая» затрагивалась впервые, так как именно тогда существовало разграничение лирических жанров. В первую очередь слышны реминисценции из различных произведений Пушкина («Деревня» — 1819, «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — 1836).

«Деревня» является основным реминисцентным фоном «Элегии», частично повторяющей размер пушкинского стихотворения (вольный ямб, шестистопные строчки). В первой строфе (всего их четыре: 14, 10, 12, 14 строк) некрасовской «Элегии» создается картина, в основных своих чертах не изменившаяся за 55 лет, прошедших со времени написания пушкинской «Деревни»:

...Увы! пока народы
Влачатся в нищете, **покорствуя бичам**,
Как **тощие** стада по скошенным лугам...

(«Элегия»)

Склонясь на чуждый плуг, **покорствуя бичам**,
Здесь рабство **тощее влачится** по браздам
Неумолимого владельца.

(«Деревня»)

Народ все так же «бедствует», и роль поэта осталось такой же: его голос должен «сердца тревожить» («Деревня»), напоминать, «возбуждать вниманье» («Элегия»). Во второй строфе подводятся итог творческого пути автора, который выбрал для своей лиры наиболее достойное служение («Я лиру посвятил народу своему»).

Полемичным по отношению к пушкинскому стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (в разностопном ямбе этого стихотворения три строчки четверостишия — шестистопные) является предположение лирического героя о том, ждет ли его народная слава:

Быть может, я умру неведомый ему...

Для поэта-воина наградой становится не бессмертие, как у Пушкина («Нет, весь я не умру...», «И долго буду тем любезен я народу...»), а сознание выполненного долга:

Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Система лирических жанров, известных с античности, в начале XIX века утрачивает значимость, распадается. В стихотворении могут совмещаться признаки различных жанров, так как в нем главным становится индивидуальный способ выражения лирического содержания.

Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди!..

«Бой» — содержание всей жизни поэта. Если в пушкинской «Деревне» высшим проявлением гражданской позиции лирического героя представало стремление увидеть «рабство, падшее по манию царя», то у Некрасова поэт застал «красный день»¹ в России (третья строфа). Однако его «слезы сладкие» оказались «наивным увлечением», так как свобода не внесла перемен «в народные судьбы»:

¹ Крепостное право в России было отменено в связи с крестьянской реформой в 1861 г.

...В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?...

В четвертой строфе, начинающейся реминисценцией из элегии Жуковского «Вечер» (1806), в противоположность романтическому возвышению гармонии, утверждается дисгармоничность мира. Выбор поэта в социальном противоборстве проявляет его гражданскую позицию:

Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю...

Думы о народном счастье, «кипящие в уме» лирического героя, составляют основу творчества. Освященные вдохновением поэта, они находят «живое воплощение» в его песнях. Его «громким» — открытым, явным благословениям и проклятиям вторит вся природа:

И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне...

Благодаря реминисценции из «Пророка» Лермонтова (1841) думы лирического героя получают значение «всеведенья», а внимание к народным судьбам продолжает стремление «Провозглашать... любви / И правды чистые ученья». Суть реминисценции состоит в противопоставлении природной верности «Завету предвечного» и ослепления людей:

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная...

Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

(«Пророк»)

Для лирического героя Некрасова особенно горестно молчание того, о ком его песни, «Кому посвящены мечтания поэта». Личный оттенок впечатления обусловлен сосредоточенностью на духовных переживаниях, вызванных темой старой — «страданиями народа».

Завершением стихотворения становится продолжение мысли автора «Мертвых душ» о неизведанном пути, лежащем перед Россией («Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа» — гл. XI). Это главный из тайных вопросов, поиск ответа на который, преодолевая «изменчивую моду», обуславливает развитие народной темы в литературе. Лирический герой Некрасова заостряет внимание на зависимости исторического пути России от судьбы народа:

Увы! не внемлет он — и не дает ответа...

Пока ответ не найден, «не стареет» гражданская тема в творчестве поэтов, готовых служить тому, чтобы «Процвел... божий мир!», наступила гармония в общественных отношениях. Благодаря обобщению художник, посвятивший лиру народу, предстает пророком, провозвестником будущего («Пора идти вперед...»).